

ЛЕОНИД ШЕБАРШИН
ЛЕВ КОСТРОМИН
ИЛЬГУСЕЙН ГУСЕЙНОВ

ИСКУССТВО
РАЗВЕДКИ

КГБ В ИРАНЕ

ТЕГЕРАН
И ИСЛАМСКАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ
СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДКИ

Имам Хомейни осудил музыку — она вызывает похотливые желания у молодежи. Пошли по улицам бородатые юноши, гоня прочь торговцев музыкой.

**Лев Петрович Костромин
Ильгусейн Пиргусейнович Гусейнов
Леонид Владимирович Шебаршин
КГБ в Иране. Тегеран и
Исламская революция через
призму советской разведки
Серия «Искусство разведки»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74321321

*КГБ в Иране. Тегеран и Исламская революция через призму советской
разведки :
ISBN 978-5-00269-608-6*

Аннотация

Персия – один из древнейших очагов человеческой цивилизации. Однако долгое время казалось, что ее время прошло и этой стране, получившей название Иран, уготована судьба арены геополитической борьбы новых Империй.

Все изменил 1979 год, когда аятолла Хомейни сверг шахский режим и провозгласил создание Исламской Республики Иран. Получившая этот необычный религиозный толчок, страна из объекта мировой политики вновь стала субъектом.

На протяжении этой долгой и драматичной истории в «Большую игру» в Иране играла советская внешняя разведка. На страницах этой книги ее ветераны расскажут о сложных перипетиях борьбы КГБ против ЦРУ и МИ-6 и шахской САВАК, о том, как на их глазах ковалась новая, невиданная доселе форма государственности и о том, как они пытались направить поднявшийся революционный ветер истории к вящей пользе советской державы. Удалось ли им это? Сегодняшняя дружественная политика Исламской Республики позволяет дать уверенный ответ на этот вопрос.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

В годы войны	6
Лев Костромин	6
Конец ознакомительного фрагмента.	35

**Леонид Владимирович
Шебаршин, Лев Петрович
Костромин, Ильгусейн
Пиргусейнович Гусейнов
КГБ в Иране
Тегеран и Исламская
революция через призму
советской разведки**

© Шебаршин Л.В., правообладатели, 2026

© Костромин Л.П., правообладатели, 2026

© Гусейнов И.П., правообладатели, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

В годы войны

Лев Костромин Против фашистской агентуры в Иране

Публикуется по изд. «Очерки истории российской внешней разведки» в 6 томах. Т. IV – М., 2014

Об авторе:

*Костромин Лев Петрович
(1933–2008)*

*Сотрудник советской внешней разведки, генерал-майор
(1983).*

*Оперработник резидентуры КГБ в Тегеране (1968–1972),
заместитель резидента (1974–1977), резидент КГБ в Теге-
ране (1978–1979)*

Подробнее см. приложение.

Во время Второй мировой войны Иран играл ключевую роль на Ближнем и Среднем Востоке, и поэтому разведывательной работе в этой стране уделялось первостепенное внимание. 22 сентября 1941 года и 5 марта 1942 года руковод-

ство НКВД СССР специально рассматривало предложения внешней разведки «Об усилении оперативно-чекистской работы на территории Ирана». Были приняты соответствующие решения. И в последующие военные годы этот вопрос неоднократно обсуждался на уровне руководства ведомства и докладывался в ГКО СССР, о чем говорят архивы СВР России.

В Тегеране была создана главная резидентура, которую возглавил известный разведчик И. И. Агаянц. Ей были подчинены периферийные резидентуры и разведпункты, число которых колебалось в разные годы от 35 до 41, в них работали 120 оперативных сотрудников. Задачи разведки были определены конкретно и четко. Приоритетной задачей было создание «агентурной сети в целях выявления агентуры иностранных разведок, враждебных СССР организаций, предотвращение возможных диверсий и иной подрывной работы, направленной на срыв военно-хозяйственных мероприятий, проводимых СССР в Иране».

И эта задача была решена: в многочисленной агентурной сети (в архивных делах СВР называется цифра – до 400 агентов) состояли влиятельные и хорошо информированные лица из разных слоев иранского общества, способные решать разведывательные задачи. В то же время там было немало и случайных людей, привлеченных к сотрудничеству для выполнения разовых заданий в условиях военного контроля Красной Армии за северными провинциями Ира-

на. Это предопределило необходимость периодических «чисток» агентурной сети и консервации десятков агентов.

В принятых руководством НКВД СССР решениях особо подчеркивалось требование «своевременного выявления немецких и японских разведчиков и их агентуры», перевербовки отдельных из них и создания боевых групп из опытных работников НКВД. На них возлагался «подбор из местного населения агентуры, способной выполнять специальные задания» – выявлять и предупреждать проникновение в СССР шпионов, диверсантов, террористов и эмиссаров враждебных организаций. Ставилась также задача «сбора политической, экономической и военной информации», активной работы «по закреплению всеми возможными способами общественного и служебного положения людей, ориентирующихся на СССР». Были определены и другие направления деятельности внешней разведки в Иране. Все наиболее значимые операции должны были осуществляться только с санкции НКВД. В мае 1942 года были утверждены предложения внешней разведки о «контактировании нашей работы в Иране с англичанами».

За годы войны резидентуры в Иране сумели добыть большое количество важной военно-политической информации, в том числе документальной, и благодаря их усилиям руководство страны было информировано по основным вопросам, затрагивавшим интересы и безопасность СССР.

Происки и мероприятия немецких спецслужб в Иране в

целом были сорваны, и в этом, несомненно, большая заслуга оперативного состава резидентур. В те годы там работали опытные и способные разведчики П. И. Журавлев, Н. П. Лысенков, В. И. Вертипорох, Р. И. Иноятов, Г. И. Акжигитов, Н. П. Пекельник, А. П. Мангасаров, Г. И. Олифиренко и другие.

В планах Гитлера Ирану отводилась важная роль. Иран – это прежде всего нефть и стратегические коммуникации. Через эту страну лежал путь в Афганистан и далее в Индию, куда нацисты намеревались двинуть войска вермахта после поражения СССР.

Участие Финляндии в войне на стороне Германии, захват немцами Норвегии и Шпицбергена в значительной мере осложнили возможность использования морских дорог, ведущих в северные порты СССР. Иран с его незамерзающим Персидским заливом и пересекавшей всю его территорию с юга на север железнодорожной магистрали мог стать и стал стратегическим путем для поставок в Советский Союз вооружений, боеприпасов, продовольствия, медикаментов, сырья, горючего и иных грузов по ленд-лизу, необходимых для ведения войны. Это обстоятельство, конечно, учитывалось Гитлером и командованием вермахта.

Чем ближе была Вторая мировая война, тем сильнее Реза-шах Пехлеви, диктатор Ирана, тяготел к Берлину, сближению с Германией во всех областях и в особенности в военной. Лишь за апрель – июнь 1940 года из Германии в Иран

было поставлено свыше 3000 пулеметов и артиллерийских орудий. Поставки вооружения и боеприпасов продолжались и в 1941 году. На военных предприятиях страны тогда было занято 56 германских специалистов, в иранской армии, жандармерии и полиции работали десятки немецких советников и инструкторов. Накануне Второй мировой войны в Иран въехало более 6500 немецких граждан. В 1940–1941 годах на долю Германии приходилось 45,5 % общего товарооборота Ирана, тогда как на СССР – 11 %, а на Британию – 4 %. Более половины машин и оборудования на крупнейших предприятиях страны и три четверти всех паровозов, практически весь обслуживающий персонал центрального управления железными дорогами Ирана были германскими. На трансиранской железной дороге немцы трудились на всех уровнях, вплоть до паровозных бригад. Руководящие посты в 50 государственных учреждениях Ирана занимали профашистские элементы и агентура гитлеровских спецслужб.

Реза-шах Пехлеви с сыном, будущим шахом Мухаммедом, 1930-е гг.

В предвоенные годы Иран, по сути дела, превратился в плацдарм враждебных действий против СССР, чему в немалой степени способствовали прогерманские настроения престарелого Реза-шаха. Временный поверенный в делах США в Иране Энгерт в сентябре 1940 года писал в Вашингтон: «Страх перед коммунизмом привел шаха к надежде, что только Гитлер может сейчас защитить Иран от большевистского вторжения». Через заблаговременно созданную агентурную сеть и многочисленных агентов влияния гитлеровцы воздействовали на верхушку Ирана, на командование вооруженными силами, жандармерии и полиции. Иранский ав-

тор Д. Амини утверждает, что «фашистские агенты находились среди министров, депутатов меджлиса, генералов, государственных чиновников, купцов и промышленников». Территория Ирана использовалась для ведения шпионско-подрывной работы против СССР и дезорганизации важнейших районов советского тыла. Тегеранская резидентура сообщала в Центр в 1941 году: «Немцы из Ирана руководят разведкой, работающей в СССР, немцы «перелетают» из Ирана в СССР и обратно, как саранча». Сам германский посол фон Эттель имел звание СС.

С началом Второй мировой войны правительство Ирана 4 сентября 1939 года заявило о своем нейтралитете, однако на деле открыто продолжало следовать прогерманскому курсу. Британский посланник в Тегеране Буллард так оценивал иранскую политику того времени: «Иран был официально нейтрален, но ничто не могло сделать иранцев по-настоящему нейтральными».

Еще до вторжения немецких войск в Советский Союз тегеранская резидентура направила в Москву несколько важных сообщений о подготовке фашистов к нападению на СССР. Эта информация базировалась на фактах активизации германских спецслужб и их агентуры в приграничных Советскому Союзу районах, где при их прямом участии формировались вооруженные отряды для действий против нашего государства. Одно из сообщений основывалось на сведениях, полученных нашим агентом от английского развед-

чика в Тегеране, который подробно рассказал ему о «миссии Гесса» и его переговорах с британским руководством. Англичанин подчеркнул, что Гитлер запланировал нападение на СССР весной 1941 года, и об этом шла речь в переговорах с Гессом. К сожалению, эти и другие сообщения были проигнорированы. После начала войны резидентура с горечью написала в Центр: «О германской активности мы своевременно ставили вас в известность и, к нашему удивлению, получали ответ: “Материал интереса не представляет”».

Иран все дальше отходил от декларируемого нейтралитета. 25 июня 1941 года Берлин нотой потребовал от иранского правительства вступления в войну на стороне Германии. Реза-шах колебался, но созданный им высший военный совет отверг это требование – 24 голоса «против» и 16 «за». 17 августа посол фон Эттель предложил Реза-шаху военную помощь, но гитлеровцы одновременно развернули подготовку заговора с целью свержения иранского диктатора, не решившегося вступить в войну. Для подготовки переворота в Тегеран в начале августа 1941 года тайно приезжал шеф военной разведки (абвер) адмирал Канарис. Операция намечалась на 22 августа, а затем была перенесена на 28 августа. 23 августа Гитлер обратился с личным посланием к Реза-шаху, в котором призывал его «не уступать нажиму со стороны СССР и Англии, поскольку Германия скоро займет южные области Советского Союза».

Советское правительство не могло оставаться безучаст-

ным к развитию событий в Иране. Оно трижды – 26 июня, 19 июля и 16 августа (причем 19 июля и 16 августа совместно с Англией) предупреждало иранское правительство о создавшейся угрозе вовлечения Ирана в войну и обращало его внимание на ту опасность, которую представляла шпионско-диверсионная работа фашистской агентуры на его территории. Поскольку наши демарши игнорировались, а обстановка продолжала ухудшаться, Москва по согласованию с Лондоном и Вашингтоном приняла решение о вводе частей Красной Армии в Иран в точном соответствии со статьей 6 Договора 1921 года, о чем уведомила иранское правительство нотой от 25 августа 1941 года.

В ноте указывалось: «Германские агенты самым грубым и беззастенчивым образом... превратили территорию Ирана в арену подготовки военного нападения на Советский Союз... Это требует от Советского правительства немедленно проведения в жизнь всех тех мероприятий, которые оно не только вправе, но и обязано принять в целях самозащиты». В ноте были названы фашистские агенты, занимавшиеся подрывной работой против СССР: фон Раданович, Гамота, Майер, Сапов, Бор, Келлингер, Тряппе и другие.

Послание Гитлера фон Эттель вручил Реза-шаху утром 25 августа, но было уже поздно, и иранский диктатор прямо сказал об этом немецкому дипломату: «Обстановка коренным образом изменилась». Дело в том, что самым ранним утром, за пару часов до визита фон Эттеля, Реза-шаха посе-

тили посол СССР А. А. Смирнов и посланник Великобритании Буллард и вручили ему ноты своих правительств о вводе в Иран советских и английских войск.

К сентябрю 1941 года советская ударная группировка в составе двух армий заняла северные провинции Ирана, одновременно в юго-западные провинции вошли подразделения английских войск. Советские и английские части соединились в районе Казвина, южнее Тегерана, а 17 сентября вошли в иранскую столицу. Несмотря на приказ Реза-шаха оказывать вооруженное сопротивление русским, солдаты иранской армии разбежались при первых же встречах с Красной Армией, и ее вступление в Иран прошло без потерь. В конце 1942 года без всякого договорного оформления под предлогом обеспечения безопасности доставки военных грузов для СССР в Иран вошли подразделения американских войск, занявшие порты Бендер-Шахпур и Хорремшехр.

В соответствии с соглашением, заключенным между представителями СССР, Великобритании и Ирана 8 сентября 1941 года, иранское правительство должно было выслать из страны военные и дипломатические миссии государств оси Берлин – Рим – Токио, а также передать в распоряжение союзных держав для интернирования членов немецкой колонии в Иране. Тегеран брал на себя обязательство всемерно содействовать транспортировке через иранскую территорию англо-американских грузов для СССР и не допустить каких-либо действий, наносящих ущерб интересам СССР

и Англии во время войны. В январе 1942 года был заключен Договор о союзе между СССР, Великобританией и Ираном, по которому Иран должен был «всеми доступными средствами и всеми возможными путями содействовать СССР и Великобритании в борьбе с фашистской Германией».

Таким образом, в результате активной политики держав антигитлеровской коалиции вклад Ирана, который без единого выстрела оказался участником войны против Германии и приобрел права и преимущества как союзник победивших государств, был достаточно существенным.

Хотя советско-английская военная акция переломила ситуацию в Иране, сам по себе ввод войск, заключенные договоры и соглашения еще не могли обеспечить разгром позиций, которые обрели в этой стране гитлеровские спецслужбы и их иранские пособники. Жесткое сопротивление с абвером Канариса и политической разведкой Шелленберга (СД) на территории Ирана продолжалось почти до конца войны.

Главным представителем VI управления Главного управления имперской безопасности СС (РСХА), политической разведки СД, в Тегеране в годы войны был Франц Майер (настоящее имя Рихард Август), по некоторым данным – штурмбаннфюрер СС. В архивах СВР нет сведений о том, под каким прикрытием Майер прибыл в Иран вместе с еще одним эсэсовцем – Романом Гамотой в октябре 1940 года. Не исключено, что он, как и Гамота, использовал «крышу» транспортной конторы «Иран-Экспресс». К моменту приез-

да Майеру было 37 лет. Это был человек высокого роста, с круглым лицом, голубыми глазами, с длинными зачесанными назад волосами, слева от глаза до уха тянулся шрам, на левой руке безымянный палец был коротким, на груди следы ожога – результат ранения, полученного в Польше. Таким был сохранившийся в архивных делах внешней разведки словесный портрет немецкого разведчика, составленный резидентурой, когда он был объявлен в розыск в Иране.

В сентябре 1939 года – феврале 1940 года Майер находился в Москве в качестве эксперта «Рейхсгруппе Индустрии». Вернувшись в Берлин, он представил доклад о политическом, военном и экономическом потенциале СССР, который был разослан в основные министерства Третьего рейха и германские зарубежные миссии. Он подверг критике утверждения русской белой эмиграции о том, что в СССР зреет антибольшевистское восстание, подчеркнув, что для этого нет никаких предпосылок. Майер утверждал, что Советская Армия сильна, а экономика СССР – на подъеме. Доклад не понравился нацистской верхушке, но был с одобрением встречен в германских миссиях за границей.

Как следует из архивных материалов СВР, арестовавшие Майера в 1943 году англичане характеризовали его «молодым, энергичным, истерическим, отважным человеком, типичным эсэсовцем, фанатиком национал-социализма, изображавшим из себя сверхчеловека». Хорошо знавший Майера немец Гайер, арестованный НКВД, говорил о нем: «Один

из умнейших людей, которых я когда-либо встречал». Он свободно владел персидским языком, любил игру в нарды, которой увлекаются в Иране. Майер был умелым конспиратором, профессионально обнаруживал установленное за ним наблюдение и ловко уходил от слежки. Он часто применял средства маскировки, изменял внешность, нередко пользовался униформой офицера иранского генштаба.

Майер и Гамота прибыли в Иран, не получив в Берлине конкретных заданий, они должны были ознакомиться с обстановкой, а соответствующие инструкции получить позже. После ввода в Иран союзных войск в сентябре 1941 года, который для немцев оказался неожиданным, Майер остался без связи с Берлином. Три месяца он скрывался на армянском кладбище в Тегеране под видом могильщика, а затем с помощью профашистских элементов сумел найти себе убежище в городе и развернул активную работу в подполье. Майер был убежден, что 1942 год принесет окончательную победу германскому оружию, и решил всеми доступными ему средствами «помочь своим товарищам на Восточном фронте и поднять свои акции в Берлине». Ему удалось наладить радиосвязь с Берлином, и он стал энергично работать над формированием профашистских иранских националистических организаций, враждебных как Англии, так и России.

В Тегеране и других городах Ирана вскоре возникли и начали быстро набирать силу и влияние прогерманские на-

ционалистические партии и группы, через некоторое время число их достигло 20. Главными среди них стали «Голубая партия» и «Иранские националисты» («Хезб-е-Кабут» и «Меллиюн-е-Иран»). Первую возглавил депутат меджлиса Ноубахт, учившийся в молодые годы в Германии и переведший в 30-х годах на персидский язык книгу Гитлера «Майн Кампф». Это был высокий, представительный, уже пожилой мужчина, властный, честолюбивый и недоверчивый к людям человек. Ноубахт был фанатичным националистом, ненавидевшим англичан. В стране он был известен как общественный деятель, литератор и зажиточный человек. Ему довольно скоро удалось собрать под свои знамена до трех тысяч сторонников и сколотить законспирированную, строго централизованную партию. Организационно она состояла из «пятерок», высшим руководящим органом была Центральная секция (ЦС), с которой были связаны только старшие «пятерок». Каждый член ЦС руководил деятельностью 50 «пятерок», т. е. 250 членов партии. Помимо ЦС, были еще секции военная, гражданская и по делам племен. Каждый член партии давал клятву верности и получал учетную карточку голубого цвета.

Ноубахт так определил цели партии: «Захватить власть в свои руки у правительства, которое бессильно противостоять домогательствам союзников и делается игрушкой в их руках». Резидентура в 1942 году сообщила в Центр: «“Голубая партия” ставит своей целью изгнание англо-совет-

ских войск из Ирана, организацию националистических сил Ирана на борьбу с англо-советской оккупацией, подготовку в Иране почвы для захвата власти, совместного с германской армией удара в тыл союзников, борьбу с правительством, бессильным противодействовать англо-советскому нажиму и вмешательству во внутренние дела Ирана». В орбиту влияния партии попали известные в Иране генералы Захеда, Язданпанах, Размара, Арфа, Хедаят и другие. Молодой шах Мохаммед Реза Пехлеви в душе сочувствовал «Голубой партии», которая формально входила в блок иранских националистов профашистской ориентации «Меллиун-е-Иран». Это дало основание нашей резидентуре 15 августа 1942 года, оценивая обстановку в стране, констатировать: «Офицерство может стать наиболее опасной частью “пятой колонны” в Иране».

Майер имел самое непосредственное отношение к формированию этих организаций, он лично подготовил для «Меллиун-е-Иран» программу, основанную на принципах национал-социализма, придумал эмблему, смахивающую на фашистскую свастику, разработал военную форму – сапоги, черные бриджи, голубая рубашка. Он предусмотрительно расписал детальный план действий этих организаций во всеиранском масштабе. К Майеру поступали с мест такие, например, сообщения: «Мы спрятали 30 тысяч винтовок и 2 миллиона патронов для Тегерана. Пришлите денег и оружие, а мы гарантируем наличие наготове 150 тысяч человек – по-

ловина из племен, половина из военных». Или: «В Тегеране начальник центрального арсенала полковник Багаи по условленному сигналу откроет доступ в арсенал представителям прогерманских частей и организаций и выдаст им 30 тысяч винтовок и 20 миллионов патронов».

В середине 1943 года резидентура информировала Центр, что в результате оперативных мероприятий, в том числе путем внедрения в профашистские организации надежной агентуры, «выявлено более 200 наиболее значительных членов “Голубой партии”, вскрыты основные ее филиалы в Тегеране, Резайе, Миане, Тавризе, Керман-шахе, Ардебиле». Конкретную помощь в этом деле, наряду с другими, оказал иранский полковник, будущий генерал, наш агент Хан, который по заданию резидентуры внедрился в «Голубую партию» и во многом содействовал выявлению ее членов, разоблачению их деятельности. В августе того же года были арестованы 167 активистов этих организаций, но до конца 1943 года «Голубая партия» и «Меллиун-е-Иран» оставались мощной силой, враждебной антигитлеровской коалиции и союзнической политике в Иране. В борьбе против профашистских формирований наша разведка взаимодействовала с английской и обменивалась с ней добытыми сведениями.

Другим активным немецким разведчиком был майор абвера Бертольд Шульце-Хольтус, специалист по СССР, владевший русским языком. Он объявился в Иране в начале 1941 года под именем Бруно Шульце как эксперт по вопро-

сам школы и религии, а спустя несколько месяцев уже работал под прикрытием германского генерального консульства в Тавризе. Резидентом абвера в Тегеране был Шпект под «крышей» коммерческого атташе посольства Германии. После его высылки из Ирана Шульце-Хольтус, уйдя в подполье, по согласованию с Майером взял на себя руководство агентурной сетью абвера на юге страны. После ввода союзных войск в Иран он был временно интернирован в посольстве Швеции, откуда, однако, вскоре бежал и укрылся в провинции Фарс у кашкайских племен, враждебных Тегерану. Японская разведка до закрытия посольства Японии в Тегеране успела оказать ему конкретную помощь, снабдив пятью радиостанциями, с помощью которых он установил связь с Берлином. «Голубая партия» оказывала содействие и Майеру, и Шульце-Хольтусу.

Отсутствие материально-технического обеспечения, финансовых средств, нарушение налаженной связи с агентурой – все это серьезно сказалось на работе гитлеровских спецслужб. Неприязненные, а порой и враждебные отношения, существовавшие между ведомствами Шелленберга и Канариса, еще больше осложнили дело. Шульце-Хольтус крайне негативно относился к Майеру, а тот платил ему той же монетой.

Бежав из шведского посольства, Шульце-Хольтус переоделся в иранскую национальную одежду, отрастил бороду, покрасил ее хной и под видом муллы объявился в резиден-

ции вождя кашкайских племен Насыр-хана. Позже к нему была сброшена на парашютах группа диверсантов во главе с оберштурмфюрером СС Мартином Курмисом, в задачу которой входили саботаж и диверсии на юге Ирана. До прибытия в Иран Курмис «отличился» участием в акциях по уничтожению евреев в гетто Каунаса. В 1944 году, когда поражение фашистской Германии в войне стало необратимым, Насыр-хан выдал «гостей» англичанам. Курмис, зная, что ему пощады не будет, покончил жизнь самоубийством, а Шульце-Хольтус, отбыв наказание, написал толстые мемуары.

Заметной фигурой в немецкой разведке был офицер СД Роман Гамота, работавший в Иране под «крышей» конторы «Иран-Экспресс». Ему было около 40 лет, он имел репутацию организатора подпольных движений и знатока партизанской борьбы, говорил по-русски, много разъезжал по Ирану. Гамота был лично известен вождям Третьего рейха. В мае 1943 года Гиммлер писал Гитлеру: «Хотя враги назначили большую цену за голову Гамоты и его жизнь неоднократно подвергалась опасности, он после излечения от малярии намерен вернуться в Иран». Речь шла о его участии в операции «Длинный прыжок» – так назывался план покушения на лидеров антигитлеровской коалиции во время Тегеранской конференции. В августе 1943 года Гамота приземлился на парашюте в районе Тегерана, связался с Майером и включился в подготовку террористического акта. Вслед за ним была сброшена у Кумского озера группа парашюти-

стов-диверсантов из команды любимца Гитлера Отто Скорцени, который лично занимался организацией покушения. После провала операции «Длинный прыжок» Гамота бежал из Ирана, и его арестовали в Австрии после войны.

Отто Скорцени

Работал в Иране и штурмбаннфюрер СС Ульрих фон Ортель, тот самый, кто в Ровно проговорился нашему разведчику Николаю Кузнецову о готовящемся покушении на «большую тройку» в Тегеране.

Офицеры СД Пауль Вейзацек и Франчек Эмерик Иштван, арестованные советскими органами безопасности после ввода войск в Иран, осуществляли заброску шпионов и лазутчиков в Баку, Тбилиси и Ашхабад. Помимо них, до сентября 1941 года в Иране действовали под прикрытием различных германских фирм и контор десятки других разведчиков абвера и СД: руководителем представительства фирмы «Сименс», например, был фон Раданович, его заместитель Кевкин так же, как и он, работал на разведку, руководители конторы «Иран-Экспресс» в порту Пехлеви (Энзели) Вольф и Рутенберг отвечали за разведработу на каспийском побережье.

Теперь расскажем о нескольких эпизодах самоотверженной деятельности группы молодых людей, почти подростков, которые добровольно, бескорыстно и с энтузиазмом помогали тегеранской резидентуре в борьбе с фашистскими спецслужбами и с широкой сетью их агентуры. Во главе группы из семи человек стоял будущий Герой Советского Союза, крупный разведчик «Амир», которому в то время было всего 17 лет.

Он посвятил жизнь разведке с юности, долгие годы выполнял ее задания в сложных условиях. Его оперативная био-

графия богата и поучительна, но в данном очерке мы коснемся только ее первых страниц ¹.

«Амир» очутился в Иране в шестилетнем возрасте, когда его родители приехали в Тавриз из Ростова-на-Дону. Его отец был иранским подданным и покинул СССР по заданию внешней разведки. Со временем он прочно обосновался в Иране и стал преуспевающим коммерсантом, обзавелся действенной агентурной сетью и с ее помощью оказывал существенную помощь советским разведчикам-нелегалам, решал многие важные оперативные задачи. Он почти никогда не пользовался финансовыми средствами Центра, обходился теми деньгами, которые зарабатывал сам.

Бывали, правда, исключения: по подозрению в связи с советской разведкой он несколько раз арестовывался, сидел в тюрьме, но всякий раз выходил на свободу через два-три месяца, так как иранские власти не могли доказать предъявленные ему обвинения. В такие периоды семья испытывала материальные трудности, и Центр приходил на помощь. Сотрудники нашей резидентуры передавали матери «Амира» некоторые суммы денег.

Сын вспоминает, что отец был настоящим патриотом Советской России, и в таком духе воспитывал своих детей. Именно под влиянием отца «Амир» стал разведчиком, и

¹ Этот очерк был написан в 80-е – 90-е гг. XX века, когда «Амир» оставался засекреченным. В 2000 г. его имя было раскрыто. Это – легендарный советский разведчик-нелегал полковник Вартанян Геворк Андреевич (1924–2012). – *Прим. сост.*

в том, что он добился на попрание разведки больших успехов, есть, вне всякого сомнения, и немалая заслуга отца. Помощь советской разведке оказывали все его дети, но только «Амир» стал профессиональным разведчиком.

Он связал свою судьбу с разведкой в феврале 1940 года, когда добровольно установил прямой контакт с тегеранской резидентурой. Большую роль в его жизни сыграл возглавлявший в годы войны внешнюю разведку в Иране И. И. Агаянц. Иван Иванович оставил глубокий след в истории советской разведки не только своими делами, но и замечательными личными качествами. Это был обаятельный человек. Все, кому довелось работать или общаться с ним, помнят его глаза – умные, мягкие, даже ласковые, внимательные, но становившиеся сразу же холодными, непроницаемыми и отчужденными, если он сталкивался с нечестностью, подлостью или недобросовестностью. Он обладал редкой интуицией и проницательностью в работе с людьми, которые платили ему уважением и любовью.

И. И. Агаянц

Именно Ивану Ивановичу «Амир» обязан тем, что тяжелая и опасная работа в разведке окрасилась для него в те суровые годы в тона героического романтизма, и он раз и навсегда понял, что она может приносить глубокое удовлетворение, если идет на пользу Отечеству и служит благородным целям. На первых порах молодому человеку поручили подобрать несколько надежных товарищей, его сверстников, и организовать группу для оказания помощи старшим колле-

гам из резидентуры в выявлении многочисленных фашистских пособников в Тегеране и других городах.

Вскоре ему удалось привлечь к этому делу семерых друзей и единомышленников, готовых бороться с фашизмом. Как принято в разведке, все получили псевдонимы. Они были молоды, отважны и охотно включились в работу, нередко связанную с риском. Формированию и обучению группы в резидентуре уделяли много времени и внимания и как-то раз в шутку окрестили ее «легкой кавалерией». Это название за ней прочно закрепилось, и, может быть, причина была в том, что «семерка» передвигалась по городу на велосипедах, других транспортных средств у нее не было, и только в 1942 году в ее распоряжении оказался трофейный немецкий мотоцикл. Постепенно группа превратилась в бригаду наружного наблюдения и одновременно, если говорить современным языком, в отряд быстрого реагирования, составленный из «боевой агентуры, способной выполнять специальные задания». Добрый десяток лет группа активно работала против немецких спецслужб в Иране, против антисоветских националистических организаций и иранских профашистских формирований.

Архивные дела внешней разведки беспристрастно свидетельствуют о результативности работы «семерки»: за пару лет с ее помощью было выявлено не менее 400 лиц, так или иначе связанных с германскими разведслужбами. Понятно, что «кавалеристы» действовали по наводкам резидентуры,

однако иной раз они самостоятельно выходили на немецких пособников и сообщали о них своим кураторам из резидентуры.

Примитивное снаряжение и юный возраст участников группы сослужили неплохую службу: объекты наблюдения, как правило, не обращали внимания на велосипедистов, и уж никак не могли предположить, что какие-то мальчишки следят за ними. Между тем было именно так. Военное время, помимо прочего, диктовало свои, подчас жестокие требования, и «кавалеристам» не раз приходилось идти на риск и участвовать в острых акциях.

После вступления союзных войск в Иран выявленная немецкая агентура была арестована, часть ее была депортирована в СССР, а часть передана англичанам. Так, по делу организации «Меллиун-е-Иран» были арестованы 3 генерала иранской армии, 10 полковников, 27 офицеров других званий, 62 железнодорожных служащих, 48 гражданских лиц. Многим, однако, удалось скрыться. Отдельные прислужники фашистов были перевербованы и стали работать под контролем нашей разведки. Аналогичным образом поступали и англичане. Можно сказать, что парализация деятельности подпольных профашистских организаций, действовавших по всей стране, явилась сокрушительным ударом по немецким спецслужбам в Иране: они не смогли в полной мере раскрыть свой потенциал для решения поставленных перед ними задач, в том числе и для осуществления по-

кушения на «большую тройку» в Тегеране в конце ноября – начале декабря 1943 года. В достижение этой цели свой вклад внесли и молодые разведчики из группы «Амира».

Именно они в конце концов выследили скрывавшегося в Тегеране Майера. Однако захватить его нашей разведке не удалось. Эта фигура интересовала не только нас, за Майером охотились и англичане, которые оказались проворнее и арестовали его прямо на глазах группы захвата резидентуры. Британцы переправили его в Индию, где следы немецкого разведчика затерялись. Одновременно с ним были арестованы два его радиста – обершарфюрер СС Хольцапфель и унтершарфюрер СС Рокстрок. Работа «кавалеристов» не пропала даром: во время поиска Майера были установлены его пособники из числа иранцев, которые обеспечивали ему убежище. Среди них были известный в Тегеране врач-стоматолог Кодси, бывший преподаватель персидского языка в германском посольстве Кейхани и директор публичной библиотеки «Ибн Сина» Рамазани. С помощью «семерки» был обнаружен и арестован главный помощник Майера, его «правая рука», Отто Энгельке. Лишившись руководства и радиосвязи, к концу 1943 года германская разведка резко ослабила свою деятельность.

Еще до этих арестов в резидентуру поступили сведения о том, что некий немецкий коммерсант, получивший условное имя «Фармацевт», ведет активную разведывательную деятельность и конспиративно встречается с высокопоставлен-

ными иранцами. Однако получить доказательства этого не удавалось: слежка за ним не давала желаемых результатов. Немец любил прогуливаться по городу, заходил в кафе, посещал кинотеатры, бродил по знаменитому тегеранскому базару, но ни с кем не встречался, говоря профессиональным языком, «не давал связей». Было над чем поломать голову наблюдавшим за «Фармацевтом» участникам группы «Амира».

В этой истории было что-то загадочное, и ребята из «серьезки» решили, что есть смысл выяснить, чем занимается немец, когда бывает дома. Внимательно осмотрев все вокруг его особняка, они подыскивали подходящие места, откуда были видны садик и бассейн во внутреннем дворе, входы и выходы. Все это хорошо просматривалось с крыши соседних домов, куда наблюдатели и забрались. Каково же было их изумление, когда они увидели, что в особняке находится еще один жилец, похожий на «Фармацевта», как две капли воды. Оказалось, что это братья-близнецы, и немецкая разведка воспользовалась этим обстоятельством: один из братьев уходил в город и уводил за собой бригаду наружного наблюдения, а другой, улучив момент, исчезал из дома и спокойно проводил встречи с нужными людьми. Деятельность близнецов-разведчиков, разумеется, была пресечена.

В поле зрения резидентуры попал владелец букинистической лавки Ганс Вальтер, давно обосновавшийся в Иране и свободно владевший персидским языком. Оперативные дан-

ные свидетельствовали, что он является фашистским агентом и участвует в разведывательных операциях германской резидентуры. Внимание, в частности, привлекло то, что его магазин регулярно посещают офицеры иранского генштаба, который находился неподалеку. Они частенько наведывались к Вальтеру, копались в книгах, что-то покупали или продавали немцу редкие издания. Возникли подозрения, что лавка Вальтера служит «почтовым ящиком» для связи с резидентурой Майера. Все это нужно было проверить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.